

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

О. В. Шабурова

ПРОСТРАНСТВО МЕЧТЫ: ЖИЗНЬ ЗА ЗАБОРОМ

Мечты о лучшем всегда оформлялись в различных пространственных проектах и утопиях — от Города солнца до Голубых городов в советском дискурсе. Разные формы «пространства мечты» знает наша отечественная история, при этом одной из главных разметок социального пространства оставалось деление на город и деревню. В современном урбанизированном мире это важное социальное различие трансформируется и порождает новые типы оформления и взаимодействия пространств. Какие пространства в большей степени воплощают современную мечту о счастье на земле — фантастический умный город или старая идиллия сельского рая?

Один из самых уютных образов советской лирики — Подмосковье («Подмосковные вечера», «Когда иду я Подмосковьем, где пахнет мятою трава...») на наших глазах из сельского, природного пояса Москвы превращается в какой-то совершенно особый симбиоз городского/негородского пространств и важный символ новой консьюмеристской России. Подмосковье и раньше было напитано знаками престижа и статуса (царская дорога, знаменитые дачные жители спецпоселков еще сталинской эпохи), но все же оно сохраняло свою сельскую ипостась — здесь были деревни и села, люди работали в совхозах — были поля, фермы и лес. Что происходит сегодня? Оставаясь по административной разметке пространством сельским, ближе к Подмосковью уже давно превратилось в огромный конгломерат коттеджного жилья, которое покрыло территорию с такой плотностью, что о сельских просторах просто пришлось забыть.

Чтобы понять парадокс существования самого дорогого и престижного в стране жилья, прикидывающегося деревенским поселением, стоит посмотреть на развитие двух, наиболее выразительных в этом смысле территорий — пресловутую Рублёвку и Новую Ригу. Рублёвка исторически, как мы уже отмечали, была самым репрезентативным местом — это традиционное пространство жизни разных советских и постсоветских элит. Поэтому

сегодня говорят, что Рублёвка — это место «старых денег». А вот Новая Рига (соседняя с Рублёвкой территория на западном направлении), которая стремительно развивается в последние 10 лет, считается местом новых денег, то есть выступает знаком развития уже современного российского капитализма. Понятно, что «старые деньги» накопили больше символического капитала, однако, Новая Рига в чем-то догоняет и даже обгоняет Рублёвку — об этом поговорим далее.

Для нашего разговора о негородских видах жизни важно рассмотреть, как организуется и символически определяется такой тип территории. Мы постараемся показать, как аспекты сельской, деревенской жизни, которые манифестируются жителями Рублёвки и Новой Риги, вступают в противоречие с реальными практиками организации пространства, формированием сообществ, стилями потребления и пр.

На каком материале можно показать и как то аргументировать логику такого анализа? Помимо наблюдений автора здесь может быть предложена аналитика по рынку загородного жилья или репрезентации пресловутой Рублёвки в массовой культуре (были уже ведь даже сериалы на эту тему; была Рублёвская дамская литература, начатая романами Оксаны Робской и др.). Но мы в большей степени попытаемся использовать «голос» самих жителей этих территорий, а он звучит со страниц специализированных изданий — это гляцевые толстые газеты «На Рублёвке» (выходит с 2002 года) и «Новости Новой Риги» (выходит с 2006 года). Они издаются одной редакцией и в одинаковом оформлении. Знаковой фигурой, персонализирующей эти самые голоса жителей, выступает в прошлом главный редактор этих изданий и автор ведущей колонки (им он остается и сейчас) Эдуард Дорожкин. Являясь давним жителем Рублёвки и известной светской персоной (закономерно, видимо, что сейчас он стал шеф-редактором русской версии знаменитого журнала о светской жизни «Татлер»), Э. Дорожкин активно, а порой и просто

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

яростно, озвучивает проблемы жителей этих территорий и включает эти проблемы в повестку дня данных изданий. Сразу отметим, что и в общем посыле газет, и в колонках Э. Дорожкина постоянно проводится мысль, что Рублёвские и новорижские жители являются сельскими жителями, а газеты эти, соответственно, — сельскими изданиями. Интересно, что придумали и запустили эти издания иностранные жители Рублёвки — семейная пара из Голландии Дэрк Сауэр (бывший на тот момент владельцем крупнейшего издательского дома «Индепендент Медиа») и Эллен Фербеек (бывшая на тот момент главным редактором журнала «Cosmopolitan») — гранды глянцевого прессы. Живя в Жуковке, они захотели создать «газету для соседей». Основное наполнение задуманного издания — новости, стиль жизни, история. Через 10 лет, в юбилейном номере издания они скажут:

Нам нравилось место, где мы живем, но не хватало духа сообщества. Мы надеялись, что «На Рублёвке» поможет его формированию, а также будет информировать читателей о жизни в этом маленьком, но и во многих отношениях большом месте.

Стоит сразу заметить, что оба издания продолжают свою работу по формированию «сельских» сообществ Рублёвки и Новой Риги, на данный момент газета «На Рублёвке» имеет тираж около 20 тысяч, с 2005 года работает объединенный сайт изданий — www.narublevke.com.

Посмотрим, какие же характеристики могут быть соотнесены с сельским образом жизни и в каких парадоксах они воплощаются на Рублёвке и Новой Риге. Прежде всего жизнь за городом определяется как жизнь на природе. Это однозначная альтернатива и самый внятный мотив при выборе жизни за городом, жестче — бегства из современного урбанизированного мегаполиса. Прошлая дачная и сельская истории ближнего Подмосковья четко вписывались именно в эту матрицу природной жизни. Красота подмосковной природы в этом направлении с ее реками (Москва-река и Истра), вековыми хвойными лесами, усадьбами русской аристократии и с куполами старых деревенских храмов давно воплотилась в отстро-

енных мифологиях, — и это очень притягательный фактор. Но эта природа стремительно исчезает — дикая стоимость земли в этих деревнях и сёлах порождает невероятную жадность девелоперов. Они хотели бы застроить буквально все. И уже теперь практически не увидеть полей, очень мало осталось свободных выходов к воде, безвозвратно утрачены многие пейзажи. Основным знаком на этих пространствах становятся заборы. Сотни новых коттеджных поселков лепятся друг к другу, а дорога к загородному дому у многих протекает не мимо лесов и полей, а буквально продирается между стенами заборов по обеим сторонам шоссе. Старые шоссе — Рублёво-Успенское и Ильинское, которые и вели к стародачным местам и загородным резиденциям власти, еще как-то сохраняют пейзажный «вид из окна», но и они все больше демонстрируют вам негласное соревнование заборов. Скажем, даже проезжая мимо общественных территорий вроде многострадального Архангельского, мы уже не видим реку вдоль дороги, она за забором (но еще пока видим сам парк — он не за глухим забором).

Дорога на Новую Ригу идет по новой мощной федеральной трассе и здесь уже насладиться видами вообще не представляется возможным — даже там, где вы не увидите заполнивших дорогу торговых, офисных и логистических центров, кусочков природы за окном практически не будет — природу тоже закрыли огромными заборами. Был маленький пейзажик с прудиком, но там появилась платная рыбалка и место обнесли забором такой высоты, что несведующий подумает о каком-нибудь страшно охраняемом спецпоселении. Никакой пейзажерапии в дороге и не ждите.

Этот феномен загороживания ландшафтов можно назвать «приватизацией вида» — и он на этих территориях распространяется с невиданной скоростью.

Как это переживают жители Рублёвских и новорижских деревень? Конечно, очень остро. Эта проблема становится одной из самых бурно обсуждаемых в тех самых газетах. Масштабы новой застройки не устраивают тех, кто поселился здесь раньше. И сегодня, когда девелоперы после кризи-

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

са 2008 года решили строить за заборами уже не коттеджные поселки премиум-класса, а «забить» доставшиеся им территории многоэтажным и по сути городским строительством — но тоже за заборами — Рублёвская общественность поднялась на защиту своей загородной жизни. Об этом часто пишет газета и рассказывает, как знаменитые и не знаменитые жители даже выходят на митинги и подписывают письма в высшие инстанции, чтобы остановить, например, застройку поймы Москвы-реки в районе Звенигорода многоэтажным «загородным» жильем. Для координации действий по защите этой территории был создан сайт www.zastroyke.net.ru.

Материал газеты «На Рублёвке» от 13 апреля 2014 года, в преддверии выборов местной власти (она, напомним, административно закреплена как сельская и в выборах участвуют местные сельские жители — а это не жители тех самых коттеджных поселков) так озвучивает эту позицию жителей:

Я живу в Барвихинском сельском поселении — негласном центре Рублёвки. Здесь, в 12 населенных пунктах и в лесах за высокими заборами, проживает, по разным подсчетам, от 30 до 45 тысяч человек. Прописано ... почти 7 тысяч избирателей.

На Рублёвке все живут в резервациях. Больших и маленьких. Для богатых и небогатых. Богатые окружают свои дома заборами в три метра. Очень богатые окружают свои имения заборами в шесть метров. Заборы перерезают леса, деревни и реки. Скоро останутся свободными только федеральные трассы... Леса давно превращены в лабиринт заборов. Если вы попадете в лес, рискуете заблудиться. Не в оставшихся трех соснах, а в искусственных преградах.

Жители поселка Барвиха бьются за последний волшебный бор, но он давно в частной собственности и уходит под застройку. Жители Барвихи борются за свободный доступ к береговой линии Москва-реки, не это ли установлено Водным кодексом? Но нет, здесь далеко в реку уходят заборы, а первые притоки Москва-реки и вовсе многократно перегорожены, местами изменены их русла.

Полина Козлова.

Это уже типичная история, не типично только то, что говорит об этом в глянцево-газете представитель не коттеджного мира Рублёвки. То есть в борьбе за экологию и сохранение территории начали объединяться разные категории Рублёвских жителей.

Особенно остро все жители Рублёвки и Новой Риги воспринимают гибель леса, которая произошла буквально за два-три года. Покушение застройщиков на лес совпало и завершилось неожиданно просто гибелью леса — пришел ужасный жук-типограф и вековые леса превратились в мертвые зоны. Сегодня даже говорят, что традиционно более выгодные и дорогие лесные участки загородной недвижимости уступят в ценах участкам на бывших полях. Началась масштабная вырубка умерших лесов и застройщики уже потирают руки, хотя жителей уверяют в том, что на этих местах будут высажены новые леса.

Утрата окружающей природы коттеджными жителями компенсируется созданием своих природных локальных территорий — внутри тех самых заборов. Размах рынка ландшафтного дизайна, садовых центров и питомников, дендрологов и садовников просто невероятный. Все трудятся над созданием своих чудес природы — скажем, «второй природы» (привет Марксу). В тех же газетах о Рублёвской и новорижской жизни огромная часть площадей отдана теме соиздания райских садов за отдельно взятыми заборами (ну, и рекламе этих товаров и услуг соответственно).

Второй парадокс, который можно отметить, анализируя деревенскую ипостась Рублёвской жизни, состоит в следующем. Стремясь жить посреди российских просторов жители, покупающие дорогие дома в новых коттеджных поселках, проявляют при этом какое-то странное раздвоение идентичности. Они покупают дома здесь, но жить хотят при этом как бы не здесь, а в ... Европе. Попытка стилизовать русскую коттеджную жизнь под европейский формат напоминает начальную фазу постсоветской жизни, когда в языке утвердилось слово «евроремонт». Множество поселков создается в формате имитации другой, европейской реальности — это проекты под «немецкую деревню»,

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

«английскую деревню» или средиземноморскую ривьеру, которой тут быть не может в принципе. Риелторы прямо говорят, что покупателя коттеджа «стимулирует» к покупке европейское название поселка. Более 70 (!) поселков носят названия, так или иначе связанные с европейскими топонимами. И ни одного упоминания об азиатских или американских странах. Вот примеры названий современных коттеджных поселков в Подмосковье: Альпийская деревня, Бавария клуб, Баден-Баден, Балатон, Бельгийская деревня, Бенилюкс, Гринвич, Европейская долина, Карловы Вары, Лапландия, Лион, Маленькая Италия, Маленькая Шотландия, Прованс, Ричмонд, Финская деревня, Шервуд, Франция, Италия, Ирландия, Лазурный берег, Бристоль, Марсель, Гельвеция, Ла Манш, Тироль, Кэмбридж и т. д. Иногда это хоть как-то иронически обыгрывается и в этой игре осуществляется привязка к реальному месту. На той же Новой Риге рекламируется поселок «По-рижская мечта» или вот название поселка «m.o.n.a.k.o.v.o». А вот поселок на Подушкинском шоссе (ответвление Рублёвского) — «Подушкино-Таун». Часто заявка на деревенскость, о которой мы говорили раньше, подтверждается английской версией в названиях — «Дмитровка Village» или главного «места силы» Рублёвки, торговой галереи и концертного зала «Барвиха Luxury Village».

Возьмем для примера два амбициозных проекта, наиболее полно выражающих эту тенденцию. Это коттеджный поселок «Довиль» («Трувиль», конечно, тоже к нему со временем подтянулся) и большой коттеджный комплекс «Европа».

Поселок «Довиль» заявляет, что их «атмосфера фешенебельного французского курорта в сочетании с красотами природы Подмосковья создают идеальную среду для гармоничной жизни». Случилось так, что настоящий Довиль и наш, подмосковный, мне довелось увидеть в одно лето. Честно говоря, даже трудно сказать, который из них роскошней, ну только там море, а тут пруд бывшего пионерского лагеря (или какого-то пансионата). Но здешняя стилизация европейскости, конечно, очень дорогая — посмотрите фотогалерею на сайте поселка. Рассказывали, что некоторые владельцы

здешних домов и обставляли их, следуя некоему императиву аутентичности — закупая обстановку на европейских антикварных аукционах.

Коттеджный комплекс «Европа» разместился на большой территории бывших полей в районе деревень Грибаново и Маслово, но позиционирует себя как поселок на Николиной горе. То есть он хочет включить в свой «символический пакет» все возможные ресурсы — здесь и знаменитая русская Николина гора, и европейские константы. Три части поселка представлены Баварским кварталом — 150 домов, Английским кварталом — 105 домов и Итальянским кварталом. Позиционируя свое пространство как европейское, владельцы больше апеллируют к формату уютного европейского городка — отсюда и кварталы. И все эти «европейские городки» за большим и длинным забором. Уже сейчас видно, что «города» эти довольно скученные (земля дорогая и участки дробятся до минимальных размеров), но реклама всю искушает вас Европой:

Английская статя, баварский рационализм и итальянское жизнелюбие соединились в градостроительной жемчужине Подмосковья — коттеджном поселке «Европа», расположенному между Новорижским и Рублёвским шоссе в элитном районе Николиной горы...

Баварский квартал уже полностью заселен. Решайте, где будете жить Вы — в солнечном и радостном Итальянском квартале или безупречно респектабельном Английском. Мы ждем Вас!

Игра в Европу в этом поселке, конечно, тотальна. Посмотрим, как называются типы домов в этих поселках. В Английском квартале в строительство запущены проекты домов под такими названиями: Лондон, Брайтон, Челси, Гринвич, Йорк, Честер, Ливерпуль, Бристоль, Оксфорд, Шеффилд, Эдинбург. А в Итальянском квартале у вас такой выбор: Болонья, Сиена, Верона, Флоренция, Феррара, Равенна, Милан и Сорренто.

Имеет смысл вспомнить П. Бурдые с его властью номинации — управление названиями есть управление смыслами. Но потом стоит вспомнить Ж. Бодрийара и признать, что все это абсолютно симулятивная деятельность, а подобного рода

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

проекты и есть чистые симулякры. Подтверждением тому может быть простой выход за забор такой «Европы» — буквально через пару километров дороги житель Итальянского или Английского квартала будет в Петрово-Дальнем проезжать остановку «Совхоз «Ленинский луч»». И что тогда? Как справиться с когнитивным диссонансом? Поживем-увидим, как говорят в России, а пока ясно одно — наше коллективное бессознательное четко отзывается именно на европейский вектор в русской идентичности, и в новом витке дискуссий на тему «Кто мы и с кем мы?» надо увидеть и такую форму ответа. А пока те, кто умеет «продавать смыслы», прагматично говорят:

В сознании русского человека Европа ассоциируется с элегантностью, некой аристократичностью, высоким качеством жизни, и естественно, покупая недвижимость в поселке с европейским названием, покупатель подсознательно это ощущает. Азиатские же и американские названия не востребованы в нейминге поселков потому, что жилье с таким колоритом имеет очень ограниченный круг ценителей. Строить целый поселок для единичных поклонников экзотики было бы экономически нецелесообразно.

В. Яхонтов, Управляющий партнер «МИЭЛЬ-Загородная недвижимость»

Важнейшим срезом для анализа негородской жизни выбранного нами объекта (Рублёвка и Новая Рига) является обращение к типам сообществ, практикам потребления, социальной инфраструктуре. Здесь продолжается линия парадоксов — самые дорогие рестораны, фитнес-центры, клиники, торговые центры сегмента *luxury*, суперэлитные гимназии, салоны красоты и пр., — то есть все то, чем наполнены эти пространства, имеют простодушные деревенские адреса. В чеках любого из этих заведений будут стоять: д. Жуковка, д. Новинки, д. Лапино, с. Раздоры, с. Успенское, с. Петрово-Дальнее и т.д.

Если представить, что является центром общественной жизни этих пространств, то это как раз и будет пространство шопинга, потребления. Где встречаются и общаются жители этих «дере-

вень», где сконцентрированы общественные пространства этих поселений, которые все отгорожены друг от друга теми самыми заборами? В старом, традиционном противопоставлении города и деревни была заложена идея о том, что город имеет большую открытость и различные форматы публичных пространств. Деревенская жизнь имела свои формы открытости — публичное пространство уже, но жизнь в основном у «всех на виду» — в деревне трудно было что-то скрыть. В ситуации современного коттеджного мира возможные формы совместности также определяются закрытостью этих поселений: либо это совместная жизнь внутри поселка (она культивируется через создание специальной инфраструктуры — детский сад, ресторан, спортивный центр в поселке), либо это выход в зоны потребления за границей поселка, которые существуют в «ядрах» этих поселений (Жуковка для Рублёвки и Павловское подворье для Новой Риги). Потребление за границей поселка тоже оказывается формой некоего отгораживания — границу/забор задают цены в этих заведениях — ими этот более или менее однородный слой отгораживается от других возможных жителей данных территорий. Возникает ситуация, когда совместность реализуется в виде тусовки или в формате светской жизни.

Разнообразие социально-потребительских институций на этих территориях (от своих гимназий до своих ветеринарок) не отменяют их закрытости для чужих. Вот пример из «художественной» жизни Рублёвско-Рижского пространства. В селе Дмитровское сохранилась улица Центральная — пока еще почти деревенская, с деревянными домиками, палисадниками и без огромных заборов. Проезжая эту улицу, замечаешь в глубине за забором странное для этой улицы бетонное сооружение (виден только кусочек), а на крыше этого дома сидит знаменитый красный человечек — точно такой же, каким была отмечена Пермь в эпоху гельмановской культурной революции (скульптура группы «Professors»). Но глухой забор не сообщает ни о чем. После некоторых поисков в интернете выясняем, что это Арт-центр «Гридчинхолл», который работает и как выставочное простран-

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

ство, и как арт-резиденция (арт-дача). Бурная художественная жизнь за этим забором (выставки известных современных художников — Дм. Гутова, Никиты Алексеева, Ани Желудь и др.) никак не обращена к реальной деревне, в которой существует — нет ни афиш, ни даже простой вывески. Могу засвидетельствовать эту закрытость, наблюдая ее практически ежедневно проезжая это место. Закрытое художественное пространство живет по тому же тусовочному принципу — только для своих. Такая вот «вставная челюсть» на одной из последних деревенских улиц. Интересный сайт галереи рассказывает об очень насыщенной жизни за этим забором. Вы, конечно, можете быть понастойчивей и, дозвонившись, попасть внутрь. Но мы в общем не об этом — а о том, как расходятся деревня и эта новая жизнь, находясь одновременно в одной географической точке (есть известный антипример — деятельность Николая Полисского в деревне Никола-Ленивец Калужской области, но это ведь уже не Рублёвка).

Еще один пример того, как привычная по своей функции для деревни институция выглядит в здешних местах совсем иначе. Речь идет о ветеринарных клиниках. Понятно, что ветеринария — очень сельская тема. Но ветеринарные точки на Новой Риге, например, представляют совсем иной образ. Вы не увидите там ни коров, ни коз и овец, которых бы привели туда сельские жители. Например, немецкая ветеринарная клиника в селе Николо-Урюпино (уже хорошо звучит, да?) принадлежит известному частному конноспортивному комплексу «Новый век» (в здешних конюшнях содержат своих лошадей жители Рублёвки и Новой Риги) и, приехав туда на прививку с котом или собакой, можно полюбоваться на прекрасных лошадей, которых она и обслуживает. И никаких коров...

Закрытый тип коммуникации жителей этих поселений не всегда формировался через определенные типы потребления (как в большинстве случаев теперь), — стародачные места, знаменитые поселки Николиной горы (например РАНИС) пытаются поддерживать традицию другого типа сообществ, изо всех сил стараются сохранить и

общественные пространства старых дачных поселков — футбольное поле или любимый пляж. В газете «На Рублёвке» довольно часто публикуются материалы, посвященные истории этих мест и воспоминаниям старых жителей легендарных поселков. Характерно название одного из интервью с жительницей такого старого поселка Н. Бацановой — «Мы жили без заборов». Или, скажем, недавний материал про то, как отметил свое 85-летие старейший на Рублёвке поселок «Новь». Люди радовались, что вновь могут собраться за столом на общественной веранде (отмечали, что давно не было традиционных коллективных праздников), была выставка фотографий, организована музыкальная программа — «пришли почти все».

И вместе вспоминали выдающихся членов кооператива, заложивших основы местных традиций: писателя и политического деятеля В. Бонч-Бруевича, академика А. Винтера, конструкторов С. Королева и М. Янгеля, военачальников А. Покрышкина и П. Батицкого, режиссеров С. Бондарчука и И. Пырьева, директора Библиотеки иностранной литературы М. Рудомино, чемпиона мира по шахматам Т. Петросяна и многих других. Понятно, что в таких сообществах совместность обеспечивается на иных основаниях, нежели в новых «европейских» деревнях Рублёвки и Новой Риги.

В сохранившихся открытых (не закрытых заборами коттеджных поселков) деревенских ареалах Рублёвки и Новой Риги практически уже совсем нет общественных пространств. Редко где можно увидеть лужайку с общей детской площадкой или свободное деревенское футбольное поле. Сейчас общественные пространства, включая и детские площадки, часто образуются на территориях храмов — они пока принадлежат всем.

Но вот здесь и следует сказать об отличии Новорижского коттеджного проекта. Застраиваясь позднее, девелоперы просчитали здесь возможность создания этого самого «ядра» коттеджного кластера. Альтруизма здесь большого не было — просчитывались количество и возможности платежеспособной категории жителей и какая инфраструктура будет востребована. Центром стал большой коттеджный комплекс «Павлово». Он

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

и окружающие поселки сконцентрировали здесь почти 50 тысяч жителей и девелоперы запустили проект торгово-развлекательного центра «Павлово Подворье», сохранив для него 15 га земли. Застроен комплекс в одном стиле, в рекламном проспекте его называют «южноевропейским» — вот и опять «Европа», расположившаяся на землях деревень.

Но вот этот комплекс был вынесен за заборы и стал общественным пространством, сохраняя при этом, конечно, высокую планку цен на услуги и товары.

На сайте комплекса читаем:

... На территории ТРК размещено практически все, что необходимо для комфортной жизни и отдыха: супермаркет «Зеленый Перекресток», бутики известных марок одежды, обуви и аксессуаров, магазины товаров для сада и дома, салон-оранжерея, рестораны «Сорока», «Садко», кафе «Женева» ...салон красоты и уникальный тайский спа-центр, спортивный центр премиум класса с бассейном и теннисным кортом, академия гольфа и гольф-поле, семейный развлекательный центр «Лукошко», а также сервисные службы и банки. Изюминкой комплекса в теплое время является Летняя сцена, на которой регулярно проходят концерты звезд отечественной и зарубежной эстрады. Зимой на площади действует открытый каток с искусственным льдом. «Павлово Подворье» рассчитано не только на жителей «Павлово», но и на близлежащие поселки: комплекс открыт для всех желающих...

Заметим, что газета «На Рублёвке» тоже пытается собирать Рублёвское население на праздники — действуя по принципу «газета — коллективный организатор» (теперь привет Ленину). Проводятся эти праздники в Архангельском (традиционная Масленица и Экологический фестиваль). Но такой постоянной площадки для общественной жизни, какой становится Павлово Подворье на Новой Риге у Рублёвки нет.

Будучи пространством престижа, Рублёвская и Новорижская земля, конечно же, выражают собой идею иерархии пространств. Модель иерар-

хии здесь не однолинейна — коттеджи и усадьбы противопоставлены не только вытесняемой здесь деревне (интересно, что в газете иногда проскакивает в устах какого-нибудь важного Рублёвского/новорижского героя выражение «коренное население» — абсолютно колонизаторский дискурс, отражающий отношение к деревенским жителям), но и, конечно же, они вступают в иерархическое соревнование друг с другом. Внутри Рублёвского коттеджного мира есть супертоссы, а есть и места попроще. Скажем, такое образование как СНТ («садовое некоммерческое товарищество» — как правило это коттеджные поселки, возникшие на полях бывших совхозов/колхозов под видом садовых товариществ бывших колхозников) занимает на этой вертикали соревнующихся престижей довольно скромное место. Вот и Э. Дорожкин может в своей колонке выразить «фи» по поводу жителей плодящихся СНТ — это ведь не стародачная элита и не суперзакрытые поселки олигархов.

Чтение газеты открывает и более масштабные линии противостояния Рублёвки / Новой Риги — это противопоставление стране в целом. Так, однажды Э. Дорожкин вдруг ополчился на жителей Нижнего Тагила, выявив в нем главного оппонента московско-Рублёвской элите (и было это, кажется, еще до появления политической разметки «Болотная площадь — Уралвагонзавод»). Будучи утонченным эстетом и знаменитым балетоманом он плохо переносит издержки провинциального вкуса и однажды разразился такой эскападой:

Я не знаю, как объяснить дамам, вырвавшимся в столицу из Нижнего Тагила, что вечер в ресторане на воде, подающем преимущественно манты и крошку, не предполагает и даже отменяет дресс-код, пригодный для похода на центральную дискотеку Железнодорожного района их родного города: тут не там, в столицах так не ходят. (На Рублёвке, 19 июля 2012). Ему очень не понравились фальшивые сумки «от Луи Вуйттона» и автозагар.

Постоянное стремление нанести социальные разметки, а еще лучше — укрыться от нашей действительности за заборами, с одной стороны, — и желание жить на природе, наслаждаясь прелестью

НЕГОРОДСКИЕ ВИДЫ ЖИЗНИ

ми «простой деревенской жизни», с другой, — это явное противоречие. Желание жить в безопасном месте, общаться в сообществах близких по статусу и духу людей — вполне понятные резоны, но доводя социальные отгораживания до таких степеней мы рискуем снова стать абсолютно закрытым обществом. Вспомним, как в позднесоветском мире все мечтали сбросить пресловутый железный занавес и стать открытым обществом. Прошло совсем немного времени и мы снова «закрываемся»? Интересно, что существующие с советских времен закрытые города — ЗАТО (закрытые административно-территориальные объединения) — продолжают свою жизнь в таком формате и что их жители неоднократно высказывали пожелания остаться за этими заборами.

Философско-социологических ассоциаций здесь много, не будем сейчас в них углубляться (хотя очень хочется вспомнить и М. Фуко с его идеями о дисциплинарных технологиях отделения и подразделения, и властвование через дистанции у Э. Канетти и т. д.). Можно по аналогии с важным для истории капитализма понятием «огораживание» ввести вот это наше «отгораживание» и попытаться понять, какой у нас капитализм...

В практически умершем мире подмосковной деревни остались еще какие-то совсем слабые следы той жизни. Вот в селе Дмитровское по утрам у церкви появляется цистерна с молоком, которая приезжает с какой-то чудом сохранившейся фермы. И люди с бидончиками спешат сюда. А в Петрово-Дальнем есть отделение почты в старом деревянном домике. Но самым главным символом прошлой деревенской жизни становятся солдатские памятники, сохраняющиеся пока по всей Рублёвке и Новой Риге. Но и они теперь оказываются в новом контексте — между теми самыми заборами, которые переформатировали все пространство. Часто памятники буквально зажаты заборами коттеджей и порой возникает ощущение, что стоят эти свежепобеленные фигуры на охране у каких-то неведомых границ.

Жизнь не стоит на месте и будут появляться новые пространства мечты. Может быть, скоро и не будет никакого Подмосковья, а будет, напри-

мер, Надмосковье (так называется проект строящихся за городом многоэтажных домов — как раз таких, против которых выступают жители Подмосковья) — вот уже стоят рекламные щиты на трассе:

Живи в Надмосковье!

Надмосковье — это философия для тех, кто ценит комфорт, безопасность и качество выше стереотипов. Это философия для тех, кто не хочет жить «под», и достоин жить «над»...

Литература и источники

1. Газета «На Рублёвке»
2. Газета «Новости на Новой Риге»
3. www.narublevke.com
4. www.podvorie.com
5. www.inmosreg.ru
6. www.novaya-riga.ru
7. www.deauville.ru
8. www.evropa-3.ru
9. www.gridchinhall.ru
10. www.zastroyke.net.ru